

Принцъ и водяной Затворъ.

Старые люди, живущіе на западѣ, гдѣ Корнваллійскія морскія волны разбиваются о темныя скалы изъ гранита и изъ многоцвѣтнаго мрамора и затѣмъ разливаются, тихо бормоча, по серебристо-сѣрому песку, старые люди, живущіе тамъ, гдѣ Гольфстремъ согрѣваетъ воздухъ благовоннымъ тепломъ вѣчно юнаго прилива, расскажутъ тѣмъ, кого они дарятъ своею благосклонностью, про таинственную страну Ляйонессъ. Такіе отличенные могутъ даже и въ наши дни услышать о Потерянной Странѣ, отъ которой только и осталось, что крошечные островки, задержанные въ лѣтніе дни блестящимъ молочно-бѣлымъ туманомъ, а въ зимніе—облаками вѣтромъ бичуемой пѣны. По преданіямъ, морскія феи завладѣли остатками великой „Потерянной Страны“ и погрузили ее въ глубину морскую, чтобы она могла тамъ спокойно дремать вдали отъ грохота и мятежа безпокойнаго міра нашихъ дней; чтобы она могла тихо лежать подъ перебѣгающими тѣнями, которыя, отражаясь отъ пурпуровыхъ облаковъ, рѣзко скользятъ по поверхности зеленыхъ Корнваллійскихъ водъ; чтобы она могла слышать, и то въ полуснѣ, лишь шепотъ разбѣгающейся пѣны, да смѣхъ бѣлокрылыхъ чаекъ.

Мудрый старый народъ, который такъ мало интересуется новыми вещами и такъ скупое говоритъ о старыхъ временахъ, хранитъ про себя свои легенды, которымъ и самъ то лишь на половину вѣритъ. А легенды эти говорятъ о вещахъ, происходившихъ на затонувшемъ материкѣ Ляйонессъ, а также въ „Свѣтящейся Странѣ“ полной чудесъ, въ Хай Брезиль, которая не погибла, а лишь ожидаетъ, чтобы ее нашли, и путь къ которой могли проложить только немногіе герои изъ старой расы. Послѣдующая

исторія есть одна изъ такихъ легендъ, рассказанная молодымъ скептикамъ нашихъ дней; но весьма возможно, что то, о чемъ въ ней идетъ рѣчь, происходило совершенно иначе, или же было передано совсѣмъ невѣрно.

Разсказываютъ, что въ послѣднія времена „Потерянной Страны“ въ ней царствовалъ великій король, и что все окружающее его было проникнуто тайной. Это могло случиться или отъ того, что онъ дѣйствительно происходилъ изъ мистической страны, никому невѣдомой, или же отъ того, что владѣнія его были настолько велики, что жившій по окраинамъ народъ никогда не видалъ его въ лицо, и въ простотѣ душевной сочинялъ легенды на его счетъ; послѣднее предположеніе принадлежитъ къ позднѣйшимъ гипотезамъ и поэтому — надо думать — достойно большаго довѣрія. По нѣкоторымъ преданіямъ и весь то его дворъ, въ центрѣ большого города, гдѣ собирались его рыцари и совѣтники, былъ ничто иное, какъ иллюзія, созданная однимъ могучимъ магомъ, для смущенія неученыхъ людей. Существуетъ легенда, что этотъ великій король появился изъ Хай Брезилія; но есть другая легенда, которая утверждаетъ, что онъ никогда и не покидалъ Хай Брезиль. Болѣе того, есть указаніе, что молодой принцъ отправился къ королю именно туда, послѣ того какъ открылъ водяной затворъ, о чемъ я сейчасъ буду разсказывать такъ, какъ самъ слышалъ отъ другихъ.

Та область Ляйонесса, которая въ наши времена называется Корнуэлемъ, находилась подъ управленіемъ принца изъ того же рода, къ которому принадлежалъ и король. Этотъ принцъ былъ ревностнымъ покровителемъ наукъ, и хотя ввѣренная ему область находилась вдали отъ королевскаго двора, она была переполнена мудрыми и доблестными мужами, а также добродѣтельными и тонко воспитанными лэди.

Въ столицѣ этой области ученость сдѣлала большіе успѣхи, а украшавшія ее зданія отличались удивительной красотой и благородствомъ. Отецъ этого принца былъ великимъ воиномъ; это былъ онъ, который съ помощью чаръ могучаго мага прогналъ дикія орды, не хотѣвшія подчиниться власти короля. Онъ прогналъ ихъ такъ далеко, что жители города почти совсѣмъ забыли о тѣхъ дняхъ, когда дикари вызывали въ нихъ такой неописанный ужасъ. Жизнь жителей города становилась все болѣе роскошною; они жили въ довольствѣ и накопляли богатство, заботясь въ то же время о наукахъ и искусствахъ и объ увеличеніи учености и цивилизаціи. Городъ былъ расположенъ на днѣ широкой,

зеленой долины; съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, востока и запада долина была окружена высотами, съ нихъ сбѣгали ручьи, сверкавшіе какъ кристалль. Съ открытой, южной стороны долины виднѣлась плодородная равнина, орошаемая большой рѣкой, которую питали сбѣгавшіе съ холмовъ ручьи; рѣка эта протекала многія мили по направленію къ югу. Позади сѣверныхъ холмовъ простиралась широкая песчаная равнина; а посреди западныхъ холмовъ находился большой резервуаръ, откуда вода была проведена по всѣмъ улицамъ города. Сѣверные холмы были круче и выше остальныхъ; въ нихъ тоже былъ большой водяной резервуаръ, но оттуда не было стока воды. Глубокій каналъ, продѣланный въ скалахъ, проводилъ воду съ холмовъ внизъ, сперва въ высохшее русло рѣки, которое проходило черезъ центръ города, а затѣмъ въ южную рѣку. Однажды, благодаря злымъ заклинаніямъ барда, состоявшаго при дворѣ одного изъ западныхъ вождей, великая засуха спустилась на городъ. Бардъ пропѣлъ свои заклинанія надъ ручьями и они всѣ высохли, онъ бросилъ другія заклинанія въ небо, и облака перестали посылать дождь на землю, отъ чего и люди и скоть умирали отъ жажды. И тогда отецъ принца, правившаго городомъ, слывшій могучимъ воиномъ и великимъ полководцемъ, объявилъ войну вождю съ Запада и убилъ его, и, взявъ въ плѣнъ его барда, похоронилъ его подъ кѣрномъ *) на западныхъ холмахъ,—послѣ чего полилъ дождь и народъ возрадовался. Въ царствованіе этого воинственнаго короля народъ былъ болѣе жестокъ и свирѣпъ, чѣмъ въ царствованіе его сына, который покровительствовалъ мирнымъ искусствамъ.

Послѣ этой засухи въ странѣ появился великій магъ, посланный самимъ королемъ; съ помощью своего искусства онъ высѣкъ большую расщелину въ одномъ изъ сѣверныхъ холмовъ, куда начали стекаться всѣ ручьи и образовали обширное озеро, простиравшееся такъ далеко, что глазу не видно было его краинъ, и вся эта масса воды была заперта внутри скалистыхъ стѣнъ съ помощью огромной мѣдной заставы, которая была установлена въ томъ мѣстѣ, гдѣ магъ сдѣлалъ расщелину для стока воды. Онъ продѣлалъ каналъ по направленію къ городу силою волшебныхъ заклинаній, благодаря которымъ Духи земли и воздуха, воды и огня повиновались его голосу и творили по волѣ его; и онъ окружилъ холмы, и озеро, и огромный затворъ самыми могучими ча-

*) Надгробный камень на могилахъ древнихъ вождей сѣверныхъ народовъ,
— с а і г н.

рами; и ни единый человѣкъ не зналъ сущности этихъ чаръ, кромѣ короля, отъ котораго магъ и получилъ свое знаніе.

Нынѣ царствующій принцъ сильно заботился о славѣ своего города, и, какъ сказано выше, поощрялъ ученость и особенно покровительствовалъ изобрѣтеніямъ, которыя помогали быстрому передвиженію по землѣ и по воздуху, а также всему, что такъ или иначе содѣйствовало украшенію города. Благодаря этому, множество людей, желавшихъ выказать свои дарованія и свое искусство и воспользоваться царскими милостями, толпами стекались въ городъ и оттого городъ становился все ученѣе и ученѣе, и все роскошнѣе и великолѣпнѣе.

Нужно знать, что у принца былъ младшій братъ, котораго онъ очень любилъ, ибо братъ этотъ не только былъ прекрасенъ на видъ, строенъ и пріятенъ въ обхожденіи, первый во всѣхъ придворныхъ искусствахъ, но онъ былъ также и блестящаго ума, очаровательнаго краснорѣчія и учености, далеко превышавшей его возрастъ. Владѣтельный принцъ постоянно выдвигалъ его въ Совѣтъ, который управлялъ городами, и даже послалъ къ королю гонца съ убѣдительною просьбой не оставить своимъ царскимъ вниманіемъ его брата, младшаго принца, и самому убѣдиться, насколько онъ былъ достоинъ управлять людьми и въ какой степени заслуживалъ и почестей, и поощренія.

Но прежде чѣмъ вѣстники достигли до короля, младшимъ принцемъ овладѣло великое утомленіе и великое равнодушіе ко всему; казалось, что его не интересовали болѣе ни ученія занятія, ни почести, ни слава родного города, и люди начали говорить, что навѣрное мозгъ его не выдержалъ слишкомъ большого напряженія. И владѣтельный принцъ, его братъ, почувствовалъ великое огорченіе.

Когда пришло для вѣстниковъ время возвратиться, съ ними вмѣстѣ появился старый сановникъ, весьма уважаемый королемъ. Онъ привезъ отъ своего господина привѣтствіе младшему принцу и порученіе къ нему, а для многихъ наиболѣе ученыхъ мужей города великія царскія милости и большія повышенія. На третій день своего пребыванія королевскій посоль пригласилъ младшаго принца сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ за предѣлы города, чтобы наединѣ передать ему порученіе короля. Владѣтельный принцъ радовался, думая, что его брату предстоятъ великія почести.

Принцъ и королевскій посоль отправились къ сѣвернымъ холмамъ, направляя своихъ коней къ крутому подъему, ведущему

къ большому водяному резервуару. Тамъ старый посланникъ сошелъ съ коня и медленно, съ большимъ трудомъ, поддерживаемый вѣжливомъ принцемъ, взобрался на холмъ и остановился у края воды, которая наполняла большую выемку, высѣченную—подобно большому бассейну—въ скалѣ. И вода тихо плескалась о верхній край большого мѣднаго затвора, который отдѣлялъ ее отъ глубокаго высохшаго канала.

Посланникъ короля долго прислушивался къ плеску воды; подъ конецъ онъ сказалъ: „Благороднѣйшій принцъ! король, мой господинъ, посылаетъ вамъ привѣтствіе и проситъ васъ выполнить задачу, которую онъ ввѣряетъ въ ваши руки“. Принцъ отвѣтилъ: „Власть, которою облеченъ король, даетъ ему право приказывать мнѣ, милордъ.“

Посланникъ короля сказалъ: „Въ предѣлахъ закона, король предпочитаетъ, чтобы его подданные имѣли свободный выборъ. Приближается день, когда этотъ городъ, столь достойно управляемый вашимъ благороднымъ братомъ, долженъ погибнуть, если этотъ затворъ не будетъ открытъ. Королю одному извѣстна тайна его раскрытія и онъ поручаетъ мнѣ сказать вамъ: „ни одному человѣку, кромѣ принца царской крови, не можетъ быть поручено открытіе водяного затвора; но при этомъ король проситъ васъ основательно подумать, прежде чѣмъ давать ваше царственное слово въ томъ, что вы берете эту задачу на себя. Въ этомъ запечатанномъ свиткѣ излагается тайна раскрытія водяного затвора, но она должна быть извѣстна только тому, кто откроетъ свитокъ въ часъ грядущей для города опасности; и тотъ, кто захочетъ взять на себя эту задачу, долженъ оставить городъ и всѣ свои дѣла, и всѣ занятія, и пребывать здѣсь, чтобы слѣдить за затворомъ, пока не пробьетъ роковой часъ.“

Пока королевскій посланникъ говорилъ, принцъ почувствовалъ, какъ страхъ проникалъ въ его сердце, ибо въ немъ воскресла внезапная любовь ко всему, что еще недавно такъ утмляло его, и загорѣлось большое влеченіе къ тѣмъ задачамъ и дѣламъ, о которыхъ онъ еще такъ недавно говорилъ въ сердцѣ своемъ: „ничего этого не нужно мнѣ!“ Онъ молча стоялъ, а передъ нимъ—какъ призраки—проносились всѣ его мечты о славѣ на сушѣ и на морѣ, всѣ думы о подвигахъ воина, царя, мага и мечтателя, всѣ упованія, когда-либо восхищавшія его душу. Всѣ благородныя видѣнія о великомъ служеніи міру прошли передъ его внутреннимъ взоромъ; всѣ горячія молодыя силы поднялись въ немъ и онъ почувствовалъ трепетаніе ихъ жизни и радовался,

что онѣ ожили и снова горять въ немъ; подѣ конецъ прекрасное лицо очаровательной молодой лэди, фрейлины принцессы, жены его брата, засіяло передъ нимъ; онѣ увидаль ее съ малюткой на колѣняхъ, во всей чистотѣ и величавой граціи нѣжнаго материнства.

Затѣмъ онѣ взглянулъ на широкое пространство сѣровато-жемчужной воды, берега которой были закутаны въ сѣрую дымку, и на далеко разстилающіеся голые пески, надѣ которыми парилъ орелъ; онѣ прислушивался къ плесканію воды и къ тихому звуку падающихъ капель, которыя просачивались въ щели мѣдныхъ воротъ. Тихій плескъ и капаніе воды дѣлали окружающую тишину еще болѣе зловѣщей и одинокой; кромѣ того, было чрезвычайно холодно на этой высотѣ для жителя города, привыкшаго къ защитѣ домашнихъ очаговъ. И тогда большое смущеніе проникло въ его душу, и онѣ самъ не зналъ, чего хотѣло его сердце, и не могъ представить себѣ, какое будущее ожидаетъ его. Души людей словно закрылись для него и въ его собственную душу спустился великій холодъ и равнодушіе ко всему; поэтому тономъ скучающимъ и холоднымъ онѣ отвѣтилъ слѣдующее: „Для мня безразлично, эту ли задачу исполнить или другую, ибо, если говорить правду, я одинаково усталъ и отъ дѣятельности, и отъ бездѣйствія; прошу васъ передать королю, что я останусь здѣсь по его желанію и строго буду хранить свитокъ, не открывая его до указаннаго часа, и въ этомъ я даю мое королевское слово.“

Послѣ этихъ словъ посланникъ короля склонился, поцѣловалъ у принца руку и передалъ ему свитокъ. А затѣмъ онѣ поѣхалъ назадъ по направленію къ городу, держа въ поводу принцева коня.

Принцъ построилъ для себя хижину изъ вѣтвей, вблизи озера. Онѣ сидѣлъ тамъ въ одиночествѣ, утоляя водой изъ озера жажду и питаясь травами и дикими ягодами ближайшихъ лѣсовъ и болотъ. Отъ времени до времени его прежніе друзья подѣзжали къ сѣвернымъ холмамъ съ вѣстями о великихъ успѣхахъ, которые науки и искусства дѣлали въ его странѣ. Разказывали, что король присылалъ награды и оказывалъ почести ученымъ гражданамъ, знатнымъ людямъ и принцамъ двора, что побуждало ихъ къ новымъ, еще большимъ усиліямъ; но для молодого принца онѣ не присылалъ ни единой вѣсти и даже ни единого слова. Царствующій принцъ самъ подѣзжалъ къ водяному затвору со всей своей свитой и умолялъ младшаго брата вернуться въ родъ. Онѣ говорилъ:

„Одиночество и бездѣйствіе сведутъ тебя съ ума. Какое странное и дикое дѣло хочешь ты совершить здѣсь, какой ложный свѣтъ свѣтитъ тебѣ? Не можетъ доставить королю удовольствіе, что ты, мой братъ, пребываешь въ бездѣйствіи, тогда какъ нужды страны ждуть твоихъ силъ,—и ты, съ твоими талантами и ученостью, долженъ бы оставаться при мнѣ и быть моей правой рукой въ городскомъ совѣтѣ“. Принцъ возражалъ: „Во истину, мой господинъ и братъ, я не знаю, *что* доставитъ королю удовольствие, но я знаю, что я связанъ словомъ, которое далъ ему“.

„Ты совѣмъ лишился разсудка“ воскликнулъ старшій принцъ. „Простой крестьянинъ или рабъ могъ бы открыть этотъ затворъ, когда придетъ нужда. Или, если ужъ ты обязался сдѣлать это самъ, ты можешь пріѣхать изъ города, когда необходимость станетъ открыть затворъ“. „Я далъ королю слово стеречь этотъ затворъ, сказалъ принцъ; поэтому не убѣждай меня болѣе“.

Старшему принцу пришлось оставить его; но онъ не переставалъ протестовать и возмущаться его безуміемъ. Жители города, рѣшивъ, что принцъ сошелъ съ ума, или можетъ быть измѣнился, и во всякомъ случаѣ оказался недостойнымъ традицій своего рода, сперва смѣялись надъ нимъ, а затѣмъ почти забыли о томъ, что онъ стережетъ въ одиночествѣ водяной затворъ.

Принцъ думалъ: „можетъ быть король хотѣлъ мнѣ показать свое презрѣніе, оказывая почести другимъ и давъ мнѣ это порученіе въ отвѣтъ на ходатайство брата моего... И поистинѣ, онъ имѣетъ право презирать меня, ибо сердце мое знаетъ свою собственную слабость. Оно не перестаетъ дрожать и тянуться къ городу, хотя я хорошо знаю, что будь я тамъ, я снова началъ бы тосковать... Ибо, что пользы въ этомъ городѣ? И что пользы въ охраненіи этого затвора, который съ такимъ же успѣхомъ могъ бы охранять и простой рабъ? И къ чему этотъ міръ? Къ чему свѣтитъ это солнце?“.

И когда онъ скорбѣлъ такъ, великое безмолвіе и непредѣльное одиночество опустилось надъ его хижиной, и въ этомъ безмолвіи въ его душѣ раздалися такія слова: „всѣ люди въ этой странѣ, и горожане, и дикія орды, хотятъ ли они того или не хотятъ, всѣ участвуютъ въ дѣлѣ короля; но даже среди самыхъ сильныхъ работниковъ не найдется такихъ, которые бы не ослабѣли и не отказались работать, если бы король не ободрялъ ихъ почестями и признаніемъ плодовъ ихъ труда и величія ихъ заслугъ. Изъ многихъ тысячъ, которыя живутъ трудясь въ нашемъ

городѣ, найдется лишь одинъ, способный пребывать съ терпѣніемъ и—ничего не требуя—ждать, охраняя закрытую дверь“.

Когда эти слова дошли до сознанія принца, въ душу его снизошелъ великій миръ, и мысль его стала такъ же спокойна, какъ гладкая поверхность воды въ озерѣ. Однажды, когда онъ сидѣлъ у своей хижины терпѣливый и спокойный, онъ услышалъ топотъ быстро бѣгущихъ ногъ и увидалъ облака пыли, поднятыя быстрымъ бѣгомъ мчавшагося къ нему человѣка, тяжелое дыханіе котораго уже доносилось до него. Человѣкъ этотъ упалъ безмолвно къ ногамъ принца; его глаза помутились, его лицо потемнѣло, запекшіяся губы дрожали, и все его тѣло подергивалось конвульсіями; и принцъ началъ уже бояться, что онъ умретъ, не высказавъ причины, заставившей его спѣшить съ такимъ напряженіемъ. Принцъ поспѣшилъ принести изъ озера воды, которую гонецъ выпилъ съ жадностью; онъ приподнялся, сѣлъ и началъ глядѣть вокругъ, словно ослѣпленный. Затѣмъ онъ вскочилъ съ земли и закричалъ: „спасай городъ, о господинъ, спасай скорѣй городъ!“.

„Какая же опасность грозитъ городу?“ спросилъ принцъ. Тогда гонецъ заговорилъ съ волненіемъ: „дикіе народы, варвары съ юга, обступили городъ со всѣхъ сторонъ. Воины удерживаютъ ихъ, но они многочисленны какъ морской песокъ, а городъ нашъ не сильно защищенъ... Одинъ изъ рыцарей, изъ числа тѣлохранителей принца, пробился сквозь ихъ линіи и поскакалъ звать помощь въ города, расположенные на востокъ... Туда отправились многіе наши воины, такъ какъ города эти находятся на границѣ, которая болѣе всего нуждалась въ защитѣ... И если онъ доскачетъ туда невредимымъ, мы должны одержать верхъ, но много дней пройдетъ прежде, чѣмъ можетъ подоспѣть подкрѣпленіе, прежде, чѣмъ помощь достигнетъ города...“.

„Развѣ вы не можете продержаться до тѣхъ поръ?“ воскликнулъ принцъ.

Гонецъ отвѣчалъ: „Мы бы могли продержаться, всемилостивѣйшій принцъ, могли бы! Но врагъ завладѣлъ западнымъ озеромъ и задержалъ теченіе всѣхъ рѣчекъ, мы умираемъ отъ жажды и все же мы скорѣе умремъ, чѣмъ сдадимся! Ибо варвары эти ужасны въ своей жестокости; они сожгли всѣ сдавшіеся имъ города и перебили всѣхъ мужчинъ, женщинъ и младенцевъ. Трое гражданъ дѣлали попытку достигнуть до васъ, и всѣхъ ихъ перехватили, двоимъ отрубили головы, а у третьяго вырвали языкъ и глаза и погнали его въ такомъ видѣ въ городъ...“

„Удивительно, что они не распознали объ этомъ озерѣ, у котораго вы, благородный принцъ, пребываете,—развѣ что мѣсто это охраняется отъ враговъ могучими чарами... Къ вамъ меня прислалъ мой августѣйшій владыка и велѣлъ передать привѣтъ любви и просьбу открыть водяной затворъ, чтобы вода потекла по каналу къ намъ въ городъ, и чтобы мы могли утолить нашу жажду и жить“.

„Ради этого я и ждалъ здѣсь такъ долго“ сказалъ принцъ. „Но ты не долженъ оставаться и видѣть, какъ откроется затворъ, ибо, исключая короля, я одинъ долженъ знать тайну его открытія, и даже я до сихъ поръ не знаю, въ чемъ она состоитъ“.

Гонецъ воскликнулъ:

„Да поразятъ меня боги, мой славный господинъ, если я вздумаю допытываться того, что желаетъ держать въ тайнѣ мой владыка король. Я полечу къ моимъ единоплеменникамъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ меня“.

Сказавъ это, онъ склонилъ свою голову къ ногамъ принца и быстро помчался назадъ. Оставшись одинъ, принцъ сломалъ печать на свиткѣ и внимательно прочелъ написанное. Тамъ было указаніе, что онъ долженъ спуститься по извѣстнымъ высѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ на разстояніи одной мили къ югу отъ затвора, и, спустившись въ темный каналъ, снова подняться по круто высѣченному водяному ложу, пока не очутится передъ самымъ затворомъ; стоя передъ нимъ, онъ долженъ разыскать два высѣченные на поверхности мѣдныхъ воротъ круга, и, приложивъ къ нимъ ладони обѣихъ рукъ, слегка нажать на затворъ. Задача представлялась необыкновенно простой, и принцъ удивлялся, что тайна оказалась такимъ легкимъ и малымъ дѣломъ и такимъ понятнымъ, разъ узнаешь ее. Онъ прошелъ около мили по направленію къ югу, и дорога оказалась легкой и ровной. Скалистыя ступени были очень часты и спускъ тянулся болѣе чѣмъ на сто футъ внизъ по скалѣ со стороны канала. Принцъ шель легко, ибо онъ былъ молодъ, силенъ и ловокъ.

Спустившись, онъ долженъ былъ повернуть и подняться по каналу. Подъемъ къ затвору оказался тяжелымъ и крутымъ; скалистыя стѣны канала подходили наверху такъ близко одна къ другой, что все мѣсто было въ глубокой тѣни и тамъ царили пронизывающіе холодъ и сырость.

За сто ярдовъ до затвора русло канала поднималось такъ круто вверхъ, что принцъ долженъ былъ подвигаться всползая на рукахъ и колѣняхъ съ большимъ трудомъ и безпрестанно со-

скальзывая внизъ. Отдѣлявшіеся камни скатывались подъ его тяжестью и руки его были избиты и изрѣзаны. Часто ему казалось, что онъ сейчасъ оборвется, слетитъ на самое дно, и ему снова придется всползать на крутую вершину. Подъ конецъ онъ достигъ изрѣженныхъ сыростью дверей затвора и сталъ какъ разъ передъ ними на узкомъ и гладкомъ выступѣ скалы. Въ этомъ мѣстѣ царствовала удивительная тишина, такая тишина, словно вся жизнь остановилась, словно ни одинъ живой звукъ никогда не нарушалъ этого таинственнаго безмолвія.

Принцъ перевелъ дыханіе и, обернувъ голову, содрогнулся. Онъ увидалъ крутой скалистый откосъ, обрывающійся внизъ на глубину сотенъ ярдовъ, и только затѣмъ уже каналъ становился пологимъ, хотя все еще узкимъ и глубоко прорытымъ въ скалистыхъ стѣнахъ. Съ быстротой стрѣлы огромная kloкочущая стремнина вырвется изъ своей темницы и съ яростью бросится внизъ по узкому ущелью, прежде чѣмъ достигнетъ широкаго канала и понесетъ жизнь въ умирающій отъ жажды городъ.

Съ быстротою стрѣлы! Принцъ пересталъ дышать; холодная дрожь пронизывала его, когда онъ стоялъ въ безпредѣльномъ одиночествѣ на узкомъ выступѣ скалы передъ самыми воротами. Ширины канала хватало лишь настолько, чтобы раскрыть двѣ половины затвора, *не больше того*. И только тогда принцъ понялъ, *какого рода* задачу король довѣрилъ ему; ибо тотъ, кто раскроетъ эти двери и дастъ воду жаждущимъ людямъ, долженъ въ то же время отдать и собственную жизнь свою. Наконецъ онъ понялъ причину своего долгаго одинокаго ожиданія. Только тотъ, кто въ состояніи отказаться отъ всего, что люди считаютъ жизнью, и ожидать въ одиночествѣ до конца, могъ выполнить подобную задачу: раскрыть въ надлежащій часъ двери и въ то же время бросить въ страшную стремнину и свою собственную жизнь... Ибо никто, покидающій свой жизненный постъ, не сможетъ добровольно умереть на немъ въ тотъ мигъ, когда долгъ потребуетъ жертвы.

Онъ приложилъ свои израненныя ладони къ указаннымъ кругамъ и сталъ давить на нихъ, пока руки его не побѣлѣли. Затѣмъ онъ опустилъ ихъ и сталъ ждать. Легко и безшумно распахнулись большія половинки воротъ, и онъ увидалъ, лишь на одно мгновеніе, янтарно-зеленую, пѣной окаймленную стѣну, громоздящуюся надъ нимъ... одинъ мигъ, и она опрокинулась на него, съ ревомъ смела его внизъ по крутизнѣ и понесла его, а вмѣстѣ съ нимъ и жизнь въ даръ тому народу, который сперва насмѣялся надъ нимъ, а потомъ забылъ о его существованіи. Въ нѣкото-

рыхъ легендахъ добавляется, что сквозь бурлящую и ревущую воду онъ увидалъ лицо короля, сѣвшее надъ нимъ, но какъ это могло случиться—этого я не знаю.

Жители города услышали далекій шумъ воды и привѣтствовали его громкими криками радости; воды, которыя должны были утолить ихъ жажду, понеслись свѣтлымъ потокомъ по широкому каналу и, затихнувъ и успокоившись, плавно потекли по улицамъ города, а оттуда на югъ въ большую рѣку. Увлеченные жаднымъ нетерпѣньемъ скорѣй утолить свою жажду, люди и не замѣтили, что потокъ несъ съ собой тѣло того, кто открылъ водяной затворъ для того, чтобы они могли жить; говорятъ, что если бы они взглянули на его лицо, они увидали бы въ немъ большое сходство съ своимъ королемъ.

Перев. съ англ. Е. П.

Мудрый отрѣшается отъ самого себя и этимъ самымъ достигаетъ всего, потому что ничего не признаетъ своимъ.

Когда существа развились, каждое изъ нихъ возвращается къ своему началу.

Возвратиться къ своему началу значитъ быть въ покоѣ.

Быть въ покоѣ значитъ исполнить свое назначеніе.

Исполнить свое назначеніе значитъ быть вѣчнымъ.

То, что мягко, побѣждаетъ то, что твердо; то, что слабо, побѣждаетъ то, что сильно.

Самое уступчивое покоряетъ самое твердое.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).